

Философский пароход

ОЛЬГА СОКУРОВА

филолог, искусствовед, доцент кафедры истории западноевропейской и русской культуры исторического факультета СПбГУ, член Союза театральных деятелей России

КОНЬ, ВСАДНИК И ЗМЕЯ

Нельзя не заметить: существует явная генетическая связь между скульптурным образом Медного всадника и иконописным образом Георгия Победоносца, помещенным в центре российского герба. И на древнерусской иконе, и в знаменитом памятнике Фальконе перед нами предстают вздыбленный Конь, Всадник, Змея. Можно догадаться, что в такой «цитации» Фальконе сознательно стремился подчеркнуть преемственность новой, Петровской России по отношению к Древней Руси. Смысл существования в мире русского государства во все времена — сражение за правду с явными и тайными силами зла.

Как считает наш первый ученый-историк В. Н. Татищев, образ всадника с копьем существовал еще у сарматов. Он знаменовал собой харизматическую личность, которая являлась носительницей высшего справедливого возмездия. Копье было сакральным оружием такого возмездия.

Почитание святого Георгия, мужественного воина-христианина, пострадавшего во времена правления римского императора Диоклетиана в 303 г., существует у многих народов. В Ливане, Сирии, Англии до сих пор хранятся предания о тех местах, где происходило сражение Георгия со змием. Англия и Грузия считают его своим небесным покровителем,

хотя во время последних событий в Южной Осетии грузинские войска били по храму св. Георгия прямой наводкой и разрушили его.

Мы можем говорить о совершенно особом месте великомученика Георгия в огромном сонме святых, которым молилась Русь. Прежде всего отметим, что поклонение Георгию Победоносцу вытеснило языческий культ Дажьбога, считавшегося родоначальником русского народа, его верховным владыкой (ср. выражение в «Слове о полку Игореве»: русские — «дажьбожьи внуки»). Дажьбог был, в соответствии со своим именем, богом дающим, т. е. милующим, питающим. От него зависел насущный хлеб. Наши далекие предки предчувствовали в этом божестве Небесного Отца, и после крещения Руси слова молитвы Господней «Хлеб наш насущный даждь нам днесь» легли на подготовленную почву их сердец. Святой Георгий воспринимался как посланец Бога Отца на Русскую землю, как ее устроитель и покровитель.

Существует дивный по своим художественным достоинствам и смысловой глубине древнерусский духовный стих о Егории Храбром¹. В нем повествуется о том, что «земля Русская была словом заказана, заповедана» и по той земле «ни пеш человек не прохаживал, ни на коне никто не проезживал». Были в ней «леса темные, дремучие», горы высокие, «звери лютые и рогатые, стадо змеиное, лютое». Таким образом, мы видим торжество хаоса, тьмы, злобных сил на том пространстве, где суждено было впоследствии обосноваться нашим древним предкам. И вот, рассказывается далее в духовном стихе, подъехал к этим непроходимым дебрям и неприступным кручам Егорий Храбрый на своем ретивом коне. Несмотря на неодолимые, казалось бы, препятствия, решил он именно «ту-то проехати, ту-то проторити» путь. И «возговорил он слово вещее». И вдруг, «по Божьему всевелению, по Егорьеву молению», по всей «земле светлорусской» растут леса дремучие, рассыпаются горы высокие, на месте их устроятся холмы широкие, текут реки вольные, заселяются и плодятся звери, которые «слушают волю Егория и едят-пьют им повеленное». Перед нами словно бы раскрывается русская Книга Бытия, где по образу и подобию того, о чем говорилось в Библии, «вещим словом» св. Георгия и его устроющей, гармонизирующей деятельностью побеждаются тьма и хаос и создается светлая и «красно прекрасная», как сказано в другом древнерусском памятнике, наша земля.

Имя Георгий в переводе с греческого означает «земледелец», и святой носитель этого имени, как мы имели возможность увидеть в древнерусском стихе, в прямом смысле «делает», создает русскую землю. А затем начинает ее опекать. Празднование Юрьева дня весной и осенью открывало и закрывало цикл сельскохозяйственных работ. В весенний Юрьев день 23 апреля/6 мая совершались крестные ходы — считалось, что сам Юрий ходит по полям и родит жито. На источниках и реках происходило водосвятие. Вода, освященная в этот день, была известна под названием «Юрьевой росы». Ею кропились не только поля и посевы, но и скот, поскольку

¹ См.: Георгий Победоносец // Святая Русь. Энциклопедический словарь русской цивилизации. М., 2000. С. 167.

св. Георгий считался его хранителем от падежа и болезней, от нападения хищников. Согласно житию святого, к нему в то время, когда он уже был схвачен и подвергался мучениям, обратился бедный крестьянин с просьбой воскресить павшего вола. И по молитвам великомученика вол ожил. Его счастливый хозяин объявил себя христианином и был усечен мечом; таким образом, согласно житию, вол обрел жизнь на земле, а крестьянин — на небесах. С тех пор Георгий Победоносец считается особым покровителем домашних животных. У нас на Руси в Юрьев день крестьяне ударяли свою скотинку освященной вербой и впервые после долгой зимы выгоняли в поле.

Итак, святой Георгий был необыкновенно близок сердцу народа-кормильца. В то же время он считался покровителем русских царей, отвечающих перед Богом и подданными за сохранение Православной веры от внешних и внутренних врагов.

«Удерживающий» — такое символическое именование встречается в посланиях апостола Павла и толкуется как государственный космос со сводом законов (Рим), призванный сдерживать силы зла. Как выразился по этому поводу Владимир Соловьев, государство существует на земле не для того, чтобы на ней воцарился рай, но для того, чтобы на ней не было ада. Как хорошо известно, в эпоху Московского царства Русь стала считать себя наследницей Первого (античного) и Второго Рима (православной Византии). Она взяла на себя, таким образом, не лавры, а ответственность Удерживающего, вышла на подвиг змееборчества.

Государственный герб утверждается на Руси после падения татаро-монгольского ига и осознается русскими царями как символ Третьего Рима. Первоначально он состоял из двух изображений: всадника («ездца») с копьем, поражающего змея (с конца XIV в.) и двуглавого орла (с конца XV в.). «Ездец» с копьем появляется, таким образом, раньше двуглавого орла! Всадник изображался на красном поле (красный цвет символизирует и мученический подвиг, и победу) и на белом коне (конь издревле — символ силы, доблести, державной мощи; белый цвет символизирует незапятнанную чистоту и свет Истины). Затем оба изображения были совмещены: Всадник, поражающий змею, оказался в центре двуглавого орла, в самой сердцевине Российского герба. В 1730 г. этот герб был окончательно утвержден, и в описании его Всадник впервые назван св. Георгием Победоносцем.² В тропаре, посвященном памяти святого, говорится, что он — *«нищих защититель»* и одновременно *«царей поборник»*. Вот почему его образ на русском гербе знаменовал **единство царя и народа** в осуществлении главной задачи нашего Отечества — **защите на земле Христовой Правды**. *«Не в силе Бог, а в правде»* — так на века выразил эту идею один из наиболее ярких последователей Георгия Победоносца на русской земле — святой князь Александр Невский.

Мощи благоверного князя Александра были перенесены из Владимира в Санкт-Петербург и помещены в монастыре его имени самим

² См.: О. Платонов. Герб государства Российского // Святая Русь. Энциклопедический словарь русской цивилизации. М., 2000. С. 168–169.

императором Петром. Это был еще один знак преемственности, декларация единой исторической судьбы Древней Руси и императорской России, наследования основополагающих смыслов и задач. И все-таки нельзя не отметить некоторых существенных сдвигов: Петр I все же более надеялся на созданную его титаническими усилиями военную и государственную мощь обновленной страны, он видел в великом князе Александре прежде всего успешного защитника северных рубежей, а не православной веры. И он стремился опереться скорее на силу, а не на правду. Духовный стержень русской жизни его, мягко говоря, не слишком интересовал.

Вот почему и посвященный Петру Медный Всадник, при всей своей несомненной генетической связи с образом Георгия Победоносца, тем не менее имеет некоторые весьма выразительные отличия от центрального символа Московского царства. На московской иконе змея пронзена копьем св. Георгия, она поражена в самую голову или, в других списках, в самую пасть, в лукавый раздвоенный язык (мировое зло определяется тем самым как носитель и источник мировой лжи). В «Фальконетовом монументе» над змеей не одержана окончательная победа — она еще жива под копытом коня, она опасна...

Нельзя также не обратить внимания на то, что Петр, этот, несомненно, величайший из государей, олицетворяет силу и волю земной власти, а не Божьей правды, как св. Георгий на иконе.

И вот на полях рукописи пушкинской поэмы «Медный всадник» ее гениальный создатель — очевидно, в момент каких-то глубочайших размышлений и прозрений об исторических судьбах России — создает удивительный рисунок: Конь остался без Всадника, Змея снялась с места и поползла вперед, а знаменитый Гром-камень (постамент Медного Всадника) прочерчен жирной темной линией — похоже, дал трещину. Если конь в мировой монументальной скульптуре всегда являлся символом силы, военной и государственной, если Всадник, по замыслу Фальконе, есть идеальный образ Самодержца, а Гром-камень символизирует мощь и монолитное единство России, и если в обличье змеи предстают коварные силы зла, угрожающие стране, то рисунок Пушкина можно считать поистине пророческим — все сбылось!

Значит, даже мощный камень Российской империи, созданной Петром, не смог сдержать тихого «шага Змеи». Он утратил свою монолитность. Но в чем же причина прошедшей по нему трещины? На этот вопрос можно найти ответ, внимательно вчитавшись в пушкинскую поэму. Причину, как показано в ней, следует искать, с одной стороны, в самой российской власти и ее конкретном носителе — Петре Великом, а с другой стороны, в «маленьком человеке», простом петербургском обывателе, который, как это ни парадоксально, становится ферментом грядущих социальных потрясений.

Начнем с проблемы власти. Известно, что Пушкин относился к деятельности Петра неоднозначно: он считал, что дальние замыслы основателя северной столицы есть плод ума обширного и великого, но его ближай-

шие установления отдают восточным деспотизмом и «словно бы писаны кнутом».

По мановению Петра, согласно его воле, как мы видим, читая вступление в поэму, «из тьмы лесов, из топи блат» возникает строгий и стройный державный город.³ Если переводить это событие на язык архетипов культуры и ее основополагающих символов, то можно сказать так: из хаотической стихии, торжествуя над нею, рождается сияющий культурный космос. Основополагающая для мировой культуры антитеза хаоса и космоса налицо — так же, как и антитеза тьмы и света, побеждающего тьму. Пять раз повторяет Пушкин в своем гимне городу глагол «люблю», и всякий раз этот глагол связан с образами гармонии и света: светом белых ночей, блеском морозного зимнего дня и великосветских балов, сиянием славы русского оружия во время парадов на Марсовом поле, наконец, с ослепительной радостной красотой ранней весны в Петербурге — «весны света», когда Нева взламывает синий лед «и, чуя вешни дни, ликует» (276).

Нельзя не отметить замечательную и неожиданную параллель между древнерусским стихом о Егории Храбром и пушкинским вступлением в поэму «Медный всадник», а также генетическую связь обоих текстов с Книгой Бытия. В духовном стихе, как мы видели, из «лесов темных, дремучих», с лютыми зверями и змеями, создается силой молитвы св. Георгия пригожая «земля светлорусская». В пушкинской поэме на «мишистых, топких берегах», где чернели чухонские избы и «лес, неведомый лучам в тумане спрятанного солнца, кругом шумел» (274), возникает, подобно чуду, «краса и диво» светлого града святого Петра. В первом случае мы словно становимся свидетелями творения русской земли, а во втором — творения державного Города-камня, призванного стоять «неколебимо, как Россия». Но отметим и разницу: в пушкинской поэме уже нет ощущения цельности созданного мира и полноты торжества космоса над хаосом. Поэт первым чутко уловил изначальную раздвоенность новой столицы, — государственной твердыни, парадоксальным образом построенной «над бездной», на хлябях (Нева в переводе с финского — «болото»), «назло надменному соседу» (274) (а зло может породить ответную злую реакцию) и вопреки стихии, «под морем». Стихия же способна взбунтоваться...

И вот как раз тема бунта, не только природного, но и социального, более всего волновала поэта в последние годы его жизни. Напомним, что он работает над поэмой «Медный всадник» осенью 1833 г., задержавшись на полтора месяца в Боддине на пути из Оренбурга, где он собирал сведения о Пугачевском восстании. Между историей Пугачева и работой над «петербургской повестью» о наводнении существовала несомненная — и хронологическая, и смысловая — связь. Тема бунта не случайно остро и болезненно заявляет о себе, становится все более значимой и судьбо-

³ Пушкин А.С. Полн. Собр. Соч. в 10 тт. Т.4. Л., 1977. С.274. Далее ссылки на это издание даются внутри статьи: в круглых скобках указываются номера страниц.

носной в петербургский период русской истории. Пушкин это отчетливо понимал.

Работая над «Медным всадником», где бунт природной стихии перерастает в бунт социальный, он ставил перед самим собой и перед читателями следующий жизненно важный вопрос: что же победит в конечном счете — державный космос или хаос наводнений и революций? Ведь город раздвоен не только в видимом топосе, но и изнутри — в отношениях народа и власти, власти и личности. Описанное Пушкиным ужасное наводнение 1824 г. было природным знаменем последующих событий, которые произошли уже в следующем, 1825 г., на Сенатской площади, в непосредственной близости от Медного всадника. Сквозь призму этого выразительного параллелизма в состоянии природы и общества Пушкин видел прошлые и грядущие бунты. Вот почему разбушевавшаяся Нева настойчиво сравнивается в его поэме с шайкой напавших на город разбойников:

Осада! приступ! Злые волны
 Как воры лезут в окна... (279)
 Но вот, насытясь разрушеньем
 И наглым буйством утомясь,
 Нева обратно повлеклась...
 Так злодей,
 С свирепой шайкою своей
 В село ворвавшись, ломит, режет,
 Крушит и грабит; вопли, скрежет,
 Насилье, брань, тревога, вой!..
 И грабежом отягощенны,
 Боясь погони, утомленны,
 Спешат разбойники домой,
 Добычу по пути роняя. (282)

Точная дата наводнения — 7 ноября. Правда, по старому стилю, но ведь это еще одна удивительная «рифмовка» исторических событий! Конечно, Пушкин не мог ее предвидеть, но описание наводнения он начал с пророческих слов:

*Над омраченным Петроградом
 Дышал ноябрь осенним хладом.* (277)

Замечателен в данном случае сам выбор имени города. Петроград — название нетипичное для пушкинской эпохи. Официально оно было присвоено городу лишь в 1914 г., когда в начале войны с Германией немецкое имя города стало казаться неприемлемым. Эта смена имени, означавшая отказ от небесного покровителя (город апостола Петра превратился в город императора Петра), совпало с началом великих потрясений в России. Скоро, совсем скоро среди метельной и мятежной стихии пойдут через омраченный Петроград блоковские 12 разбойников:

В зубах — сигарка, примят картуз,
 На спине б надо бубновый туз!⁴

⁴ Блок А. Собр. Соч. в 6-ти тт. Т. 3. М., 1971. С. 235.

Запирайте етажи,
 Нынче будут грабежи!
 Открывайте погреба —
 Гуляет нынче гольтьба!⁵

В отечественной литературе есть особо значимые, сквозные темы, и одна из них, несомненно, — тема бунта. Ее разработку, как и выявление других магистральных тем, начал Пушкин. Вчитаемся в текст его пророческой поэмы, проследим развитие его гениальной мысли. Попробуем понять, почему он делает носителем и предвестником бунта «маленького человека»? Кто он, антагонист Петра?

Прежде всего, встает вопрос о его имени. Пушкин сам напоминает, что уже не впервые наделяет своего героя именем Евгений. Но что может быть общего, кроме имени, у Евгения Онегина и Евгения из повести о петербургском наводнении? Казалось бы, ничего. Один — баловень судьбы, «наследник всех своих родных», блестящий представитель петербургского высшего света. Другой беден, скромн и безвестен. К услугам одного — весь мир, все блага цивилизации. Другой потерял единственное, что имел: у него была отнята мечта о тихом семейном счастье с Парашей. И все же между обоими Евгениями есть нечто общее. Оба они, будучи порождениями петербургского периода русской истории, лишены корней. Город, породивший их, был основан над бездной — и они безосновны! Евгений Онегин оторван от родной почвы и ориентируется на чужие образцы. Став их «пародией», явившись «москвичом в Гарольдовом плаще», как догадалась Татьяна, он потерял себя, забросил и опустошил собственную душу.

Евгений «Медного всадника», будучи не просто дворянином, но представителем очень древнего и славного рода, упоминание о котором не раз *«под пером Карамзина в родных преданьях прозвучало»* (277), тем не менее равнодушен к своей родословной, не интересуется ею. Подобно Онегину, он не укоренен в родной почве. Дворянство по изначальной сути своей является сословием, которое призвано служить царю и отечеству. Между тем, он *«где-то служит»* (неважно, где!). Он *«не тужит ни о почившей родне, ни о забытой старине»* (277). У него словно нет прошлого — и потому он представляет собой характерное порождение «революционной» петровской — и не только петровской — эпохи: прошлое забыто, есть трудное настоящее и лучезарное будущее.

Но ведь «гордиться памятью своих предков не только можно, но и должно: не уважать оной есть постыдное малодушие». Так считал, в отличие от своего героя, автор «Медного всадника». Как раз во время работы над поэмой Пушкин пишет заметки о русском дворянстве, внимательно занимается собственной родословной. Его волнуют проблемы государственные и прежде всего вопрос о том, в каком направлении пойдет Россия. А его Евгений — «маленький человек» не только по социальному статусу, но и по внутреннему масштабу. Его волнуют только личные планы, мечты о счастье с Парашей. Конечно, мечты эти каждому понятны и даже трага-

⁵ Там же. С. 240.

тельны. Однако строить долгосрочные личные планы в России — дело, как известно, весьма неблагоприятное и ненадежное. И ясно, почему «маленький человек» не выдержал их крушения — ему нечем было больше жить, не на что опереться. Он безосновен! Стихия разбушевавшейся Невы беспрепятственно ворвалась в его смятенную душу, повергла ее в хаос. Евгений сходит с ума.

Сердечно сострадая своему герою, его сильному горю, Пушкин в то же время не сочувствует его бунту.

Замечательна мизансцена во время наводнения: Евгений сидит верхом на льве, мрачно хмурясь и скрестив руки. С него ветром сорвало шляпу, иначе он был бы вовсе похож на Наполеона.

И, обращен к нему спиною,
В неколебимой вышине,
Над возмущенною Невою
Стоит с простертою рукою
Кумир на бронзовом коне. (281)

Перед нами противники, достойные друг друга. Петр обращен спиной к своему подданному — ему нет дела до его мыслей и чувств, до его жизни и судьбы. В нем нет ничего от мудрого правителя из вступительной части поэмы. Это «кумир на бронзовом коне», то есть бездушный языческий идол.

А его антагонист Евгений уже полон гордых и мрачных бунтарских мыслей. Причем характерно, что эти мысли направлены пока не против земной власти, а против власти небесной, против вселенского миропорядка:

...иль вся наша
И жизнь ничто, как сон пустой,
Насмешка неба над землей? (280)

Таков ход мыслей Евгения. Как показывает Пушкин, всякий бунт имеет в основе своей богоборчество. Вспомним, как начинается первый монолог Сальери в знаменитой «маленькой трагедии»: «*Нет правды на земле, но правды нет и выше. Мне это ясно, как простая гамма.*». Через голову «гуляки праздного», великого Моцарта, которому, неизвестно за что, с точки зрения Сальери, дан гениальный дар, происходит спор этого гордого рационалиста и завистника с Небом. И в душе Евгения прежде всего возникает протест против Божьей воли: и сама человеческая жизнь, и происходящие в ней события кажутся ему «пустым сном», бессмыслицей, «*насмешкой неба.*».

Между прочим, совсем иначе реагируют на происходящее народ и царь. Народная реакция по мере развития событий претерпевает разительные перемены. Напомним описание утра в день наводнения, когда Нева только начинает показывать свой буйный нрав:

Поутру над ее берегами
 Теснился кучами народ,
 Любуясь брызгами, горами
 И пеной разъяренных вод.
 Но силой ветров из залива
 Перегражденная Нева
 Обрато шла, гневна, бурлива,
 И затопляла острова,
 Погода пуще свирепела,
 Нева вздувалась и ревела,
 Котлом клокоча и клубясь,
 И вдруг, как зверь остервенясь,
 На город кинулась. Пред нею
 Все побежало. Все вокруг
 Вдруг опустело... (279)

Если продолжить выстраивание ассоциативных рядов и параллелей между природными явлениями и событиями истории, то можно лишь удивляться, насколько напоминает эта картина, мастерски изображенная Пушкиным, события февраля, а затем октября 1917 года. Сначала, в феврале — эйфория, всеобщее радостное возбуждение по случаю победы революции и чаемого осуществления гражданских свобод — потом, после октябрьских событий, когда дело приняло более чем серьезный оборот, многих обьял ужас перед потоками крови и разгулом обысков, расстрелов, грабежей. Вот тогда-то «*все побежало*», «*все вокруг вдруг опустело*»...

Пушкин так определяет покаянное состояние, охватившее людей перед лицом великих бедствий: «*Народ зрит Божий гнев и казни ждет*». Эта строка очень напоминает рефрен, который то и дело звучит в древних летописях: что бы ни случилось — неурожай ли, стихийное ли бедствие, праведный или неправедный гнев и суд земных владык — летописец называет всему этому одну глубинную, истинную причину: «*И все это было грех ради наших*».

И глубокое одиночество описанного Пушкиным императора Александра I, и его дворец, который среди хаоса мятежных волн «*казался островом печальным*», и его задумчивая фраза: «*С Божией стихией царям не совладать*» — все это удивительно угадано великим пушкинским гением и многое может объяснить в нашей грядущей исторической судьбе. Ведь именно так, «*островом печальным*» среди бушующего революционного моря, выглядел весной и летом 1917 г. Александровский дворец в Царском Селе, где под арестом находились последний русский царь и его семья. Что бы ни предпринимал этот Царь-страстотерпец в последний период своего правления, как бы ни пытался предотвратить грядущую катастрофу — ничего он сделать не мог, и никто бы не смог на его месте. Поэтому так жестоко несправедливы, так духовно слепы те, кто до сих пор винит его и поверхностно видит в нем «*слабого политика*». Пусть отповедью им будет гениальное пушкинское прозрение: «*С Божией*

стихией царям не совладать». То, что Бог попустил, должно свершиться. Государь Николай II это понял, смиренно принял и отдал и власть, и жизнь ради Христа и России. Не поняли его судьи.

Но вернемся к судьбе Евгения.

В поэме «Медный всадник» мы становимся свидетелями того, как взбунтовавшаяся Нева начинает постепенно входить в берега. А душа «бедного Евгения», который узнал о гибели своей Параши, «выходит из берегов», повергается в смятение и хаос. Проходит время. Безумный герой, скитаясь по городу, однажды в ненастный осенний день вновь оказывается на той же площади и видит Всадника:

Евгений вздрогнул. Прояснились
В нем страшно мысли... (285)

И далее следует картина бунта:

*Глаза подернулись туманом,
По сердцу пламень пробежал,
Вскипела кровь. Он мрачен стал
Пред горделивым истуканом.
И, зубы стиснув, пальцы сжав,
Как обуянный силой черной,
«Добро, строитель чудотворный! —
Шепнул он, злобно задрожав, —
Ужо тебе!».* (286)

(Выделено мною. — О.С.)

Как видим, Пушкин использует целый набор оценочных эпитетов и сравнений, чтобы показать темную и злобную природу бунта. И это дает нам возможность убедиться в том, что зрелый поэт-государственник бунту совсем не сочувствует («Ужасен русский бунт, бессмысленный и беспощадный»). Однако и Петр показан здесь без всякого сочувствия — «горделивым истуканом».

К какому же выводу подводит нас поэт? На наш взгляд, его можно сформулировать так. Внутренняя беда петровской и послепетровской России состоит в том, что ее власти нет никакого дела до «частного», «маленького», конкретного человека с его нуждами и бедами. С другой стороны, и частному человеку нет дела до забот и проблем государственных: он живет своими маленькими житейскими интересами, втайне ненавидя власть, считая именно ее виновницей всех своих несчастий и страшась ее беспощадного гнева...

В условиях взаимного отчуждения власти и личности, власти и народа и возникает трещина в некогда монолитном и могучем камне русской государственности — со всеми вытекающими отсюда историческими последствиями. Эта трещина сохраняется по сей день. Чтобы преодолеть ее, нам надо бы внимательней всмотреться и вдуматься в смысл нашего национального герба. Святой Георгий соединяет в своем образе небо и землю;

он помогает царям и защищает народ; он не подпускает змею в тыл и бьет ее в лоб; белизна его коня символизирует чистоту защищаемой веры и правды.

Подведем итоги. Образ Георгия Победоносца на гербе Москвы, а затем в сердцевине герба всего Российского государства, так же как и образ Медного Всадника в северной столице Российской империи, сосредоточивают в себе целый комплекс важнейших символических значений. Поэтому есть основания утверждать, что эти образы исполняют роль главных архетипов двух контрастных и в то же время взаимосвязанных периодов нашей истории. Смысл этих различий и конкретные уроки истории, в которых этот смысл просвечивает, нам необходимо учесть ради настоящего и будущего России.

